Приграничное и межрегиональное сотрудничество 边境与区域间的合作

Cross-Border and Interregional Cooperation

УДК 327(510)

Китайский новый регионализм в мировых интеграционных процессах: вопросы теории и практики (на примере **EA3C**)

Т.Н. Кучинская Забайкальский государственный университет, Чита, Российская Федерация

Т.В. Колпакова Забайкальский государственный университет, Чита, Российская Федерация

Дата поступления: 03.03.2017 Дата принятия к печати: 17.04.2017

Аннотация. В статье представлен анализ роли китайского фактора в мировых интеграционных процессах, осуществленный на примере Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Обосновывается вывод о том, что ключевым механизмом усиления роли КНР в интеграционных объединениях является политика китайского нового регионализма, основными инструментами которой выступают экономические, дипломатические и культурные механизмы «мягкого» воздействия. Суть китайского нового регионализма заключается в формировании новых точек экономического роста путем активного участия в наднациональных и транснациональных интеграционных объединениях, следуя принципам многополярности, мирного развития, координации и политического диалога. В основе интереса КНР к инициированному Россией ЕАЭС лежат геополитические и экономические факторы, вопросы обеспечения безопасности и императивы собственного глобального проекта «Экономического пояса Шелкового пути». Близость целей данных инициатив актуализирует вопрос о возможной конкуренции двух стран в борьбе за стратегические ресурсы опорного региона — Центральной Азии (ЦА). В заключение, делается вывод о том, что углубление стратегического партнерства двух стран на основе принципов соразвития будет способствовать успешному продвижению процесса региональной интеграции не только в рамках ЦА, но и в расширенном формате трансевразийского пространства. При этом подчеркивается, что недостаточный учет специфики китайского нового регионализма российской стороной может привести к снижению ее конкурентных преимуществ в процессе реализации совместных программ и проектов.

Ключевые слова. Китайский регионализм, интеграция, российско-китайские взаимодействие, Евразийский экономический союз (ЕАЭС), Экономический пояс Шелкового пути (ЭПШП), соразвитие.

全球一体化进程中中国新区域主义在理论和实践上遇到的问题 (以欧亚经济联盟为例)

Kuchinskaya T.N.

后贝加尔国立大学, 赤塔,俄罗斯联邦

Kolpakova T.V.

后贝加尔国立大学, 赤塔,俄罗斯联邦

结稿日期: 2017年3月3日 出版日期: 2017年4月17日

摘要:本文从欧亚经济联盟的实例中,对于中国因素在 全球一体化进程中的作用进行了分析。认为加强中国在-体化协会中发挥作用的关键机制是中国新区域主义政策。 这是经济、外交、和文化软实力影响的主要工具。中国的 新区域主义的实质在于通过积极参与超国家和跨国一体 化,遵循多极化、和平发展、协调可持续、政治对话等原 则,形成新的经济增长点。地缘政治、经济因素、安全问 题以及丝绸之路经济带全球项目的波切要求,是中国对俄 罗斯倡议发起的组建欧亚经济联盟的兴趣所在。这些举措 的目标的接近实现了两国在争夺使两国在基地区-中亚区域 争夺战略资源方面可能的竞争问题具有现实意义。最后, 我们认为,以共同发展原则为基础,深化两国战略合作伙 伴关系,不仅在中亚框架内,甚至是在跨欧亚的框架中都 会有助于促进区域一体化进程的发展。同时,中方强调 如果俄方不充分考虑中方新区域主义的具体情况,可能会 在实施合作项目的过程中降低其竞争优势。

关键词:中国的区域主义,一体化,俄罗斯-中国相互作用,欧亚经济联盟,丝绸之路的经济带,共同发展。

Chinese New Regionalism in the Global Integration Processes: Issues of Theory and Practice (Based on the Example of the EEU)

Kuchinskaya T.N.

Transbaikal State University, Chita, the Russian Federation

Kolpakova T.V.

Transbaikal State University, Chita, the Russian Federation

Received: March 03 2017 Accepted: April 17 2017

Abstract. The article presents an analysis of Chinese factor role in global integration processes based on the example of the Eurasian Economic Union. It is concluded that the key mechanism to strengthen the role of China in integration associations is the policy of Chinese new regionalism, the main instruments of which are economic, diplomatic and cultural tools of «soft» impact. The essence of Chinese new regionalism lies in the formation of new economic growth points through active participation in supranational and transnational integration associations, following the principles of multipolarity, peaceful development, coordination and political dialogue. Geopolitical and economic factors, security issues and imperatives of its own global project of the «Economic belt of the Silk Road» lie at the core of China's interest in the EEU initiated by Russia. The proximity of the goals of these initiatives actualizes the issue of possible struggle between two countries for the strategic resources of the anchor region, i.e. Central Asia (CA). In conclusion, it is stated that deepening the strategic partnership between two countries based on the principles of co-development will contribute to successful promotion of the regional integration process not only within the framework of Central Asia, but also in the expanded format of the Trans-Eurasian space. At the same time, it is stressed that insufficient consideration of the specifics of the Chinese new regionalism by the Russian side may lead to a reduction of its competitive advantages in the process of implementing joint programs and projects.

Keywords. Chinese regionalism, integration, Russian-Chinese cooperation, The Eurasian economic Union (EEU), The economic belt of the Silk Road, co-development.

Введение: к постановке проблемы. Современный этап развития геополитической структуры мира определяется процессами глобализации и регионализации со смещением центра глобальной политической и экономической активности в сторону Восточной Азии, где ядром «притяжения» выступает Китай. Стремительное развитие китайского государства, которое поступательно усиливает свои позиции на международной арене и оказывает все большее влияние на глобальные процессы, обусловливает необходимость научного осмысления роли китайских интеграционных практик в построении мировой архитектоники и поиска адекватного методологического инструментария для их анализа.

Наиболее перспективной в этом плане, на наш взгляд, представляется разрабатываемая в отечественной и зарубежной науке концепция нового регионализма. Специфика «нового» регионализма, в отличие от «старого», заключается в его большей плюралистичности и открытости, проявляющейся в стремлении акторов к многополярному миру, основанному на принципе политического невмешательства и извлечения максимальной экономической выгоды. Сутью китайского нового регионализма является процесс глобальной регионализации, при которой происходит отказ от политических и военных союзов и активизируется участие в транснациональной интеграции, приобретающей разнообразные формы. Так, Китай глобально регионализируется посредством активного участия в интеграционных объединениях по всему миру: АТЭС, ШОС, БРИКС и т. д., при этом основной его целью является обеспечение безопасности и расширение экономического сотрудничества с получением доступа к внешним природным ресурсам, рынкам сбыта, удобным транспортным коридорам и т. д.

Регион Центральной Азии после распада СССР и образования пяти независимых государств (Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Туркмении и Узбекистана) представляет интерес для многих акторов мировой экономической системы ввиду его геополитических и ресурсно-стратегических возможностей. Для реализации в регионе своих интересов Российской Федерацией еще в 2000 г. было инициировано создание Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС), на базе которого с января 2015 г. начал функционировать Евразийский экономический союз (ЕАЭС) в составе России, Белоруссии, Казахстана и Армении. Целью данного интеграционного объединения является

усиление экономик стран-участниц и их сближение для активизации процесса модернизации и повышения их конкурентоспособности в мире. Китай же, не стремясь стать членом ЕАЭС, тем не менее, занимает активную позицию в регионе, что может быть подтверждено началом реализации грандиозного проекта «Экономический пояс Шелкового пути» (ЭПШП), предусматривающего формирование единого финансово-экономического пространства с участием России, Монголии, стран Центральной Азии, Закавказья, а в перспективе — и Ирана, Афганистана, Пакистана, Турции, Белоруссии, Молдавии и Украины.

ЕАЭС и ЭПШП характеризуются сходными интеграционными задачами и имеют значительный потенциал для соразвития. Однако недостаточный учет специфики китайского нового регионализма для России может означать снижение конкурентных преимуществ в реализации совместных программ и проектов. Научный анализ данной проблемы актуален для дальнейшего прогнозирования развития ситуации в Евразийском пространстве, определения роли российско-китайского партнерства для интеграции ЕАЭС в АТР и обеспечения стабильности и безопасности в регионе в целом. Партнерство на основе соразвития, учет китайской специфики при сопряжении российских и китайских инициатив способны обеспечить успех совместных усилий двух стран по углублению интеграции в евразийском пространстве.

Рассмотрение китайской интеграционной стратегии в мире сквозь призму теории нового китайского регионализма с выделением её базовых форм и устоявшихся практик, применяемых в т. ч. в рамках сотрудничества с ЕАЭС, представляется новой и значимой научной задачей, решение которой будет способствовать принятию грамотных управленческих решений при реализации совместных российско-китайских программ в Евразии.

Регионализм как исследовательская парадигма. Выявление специфических форм и практик китайского нового регионализма в работе связывается с методологическими проблемами познания глобального нового регионализма как формы взаимодействия социокультурных образований (государств, регионов) на мировой арене в условиях глобализации и регионализации.

Регионологический подход, позволяющий рассмотреть региональные контексты реализации внешнеполитических практик современного Китая в рамках стратегии китайского нового регионализма, выступает базовым методом

исследования. Категориальная триада «регион — регионализация — регионализм» как основа регионологического подхода является одной из наиболее распространенных и продуктивных в практике исследования пространственных форм организации международного сообщества и характеризуется высокой разработанностью её сущностных характеристик и соотношения самих понятий.

Научная концепция регионалистики в современном ее понимании как научного направления, изучающего объективные процессы формирования Больших многомерных пространств и других территориальных сообществ (надгосударственных группировок, страноведческих и внутригосударственных общин), обладающих цивилизационным кодом, стремящихся наиболее эффективно использовать внешние и внутренние факторы развития и противостоять вызовам глобализации [1], оформляется в конце XX — начале XXI вв. в ответ на усиление роли региональных (надгосударственных и трансграничных) группировок в системе международных отношений.

Регионализм как когнитивная парадигма и новый тип научного мышления оперирует понятием «регион» и его производными, объясняющими сущность и принципы взаимодействия регионально-странового (национального) и глобального (наднационального) уровней организации мирового пространства. Эвристический потенциал современных теорий регионализма полезен при исследовании китайских практик участия в международных интеграционных процессах.

В настоящее время «регион» и «региональная система» фактически признаны элементами международных отношений, циркулирующими в больших политико-экономических зонах. Обрамленные политическими и символическими границами, регламентированные соглашениями о международном сотрудничестве, данные единицы перестают восприниматься лишь как сугубо географическая и экономическая категория. Эти феномены показывают, что кроме исторического опыта, специфики сходства и отличия по архетипам менталитета и культуры, подобная форма интеграции требует учета комплексного социокультурного контекста, выраженного в специфике культурно-цивилизационного глобального регионализма.

Профессор В. А. Дергачев при разработке структурной модели регионализма особое значение придает цивилизационному коду, который позволяет выделить три устоявшиеся его формы: европейский (западный) регионализм,

основанный на приоритете прав и интересов личности перед правами и интересами любой общности; американский регионализм, использующий западные либеральные ценности для превращения географической периферии в полюса высоких технологий; и китайский глобализирующийся регионализм, основанный на сочетании поэтапной открытости к мировым рынкам с авторитарной государственной властью [2]. На наш взгляд, данная характеристика китайского регионализма не содержит всю полноту определенных и специфических конкретностей.

Значительный вклад в разработку понятия внесли исследования международного коллектива научной «Школы интерпретаций региональных практик современного Китая» Забайкальского государственного университета (В. А. Абрамов, Н. А. Абрамова, Т. Н. Кучинская, Т. В. Колпакова, Ли Пин, В. С. Морозова, Цуй Хунхай, Чжоу Юй, Янь Шуфан и др.), посвященные проблематике «региона» в целом и её интерпретации относительно китайской социокультурной реальности. Операционализированная в рамках Школы регионологическая парадигма в сочетании с системным, структурно-функциональным, цивилизационным, социокультурным и гервмениевтическим подходами, образует комплексную методологию, применимую для анализа китайского регионализма, его социокультурных оснований, специфических форм и глобально-региональных практик.

Настоящее исследование направлено на выявление специфики международных интеграционных практик КНР через познание китайского нового регионализма и его специфических проявлений в евразийском пространстве в контексте соразвития с Россией. Данная цель предполагает поэтапную реализацию следующих задач:

- выявление сущности феномена китайского нового регионализма, с определением его характеристик, форм, механизмов и региональных проявлений;
- определение специфики использования Китаем компонентов нового регионализма для усиления своего влияния в различных интеграционных группировках и объединениях;
- анализ опыта международной интеграции в евразийском экономическом пространстве и роли китайского нового регионализма в данном процессе;
- характеристика российско-китайских практик регионального сотрудничества в рамках EAЭC, выявление их конкурентного потенциала.

Китайский новый регионализм: концептуальные основания и практики. Главной тенденцией современности, определяющей ход цивилизационного развития, является глобализация как процесс все возрастающего воздействия различных факторов трансформирующегося мирового порядка на политическую, экономическую, экологическую, информационную, культурную действительность отдельных государств, что в свою очередь объясняет их стремление к регионализации как средству усиления собственных позиций и противостояния другим более сильным акторам глобального геополитического процесса. При этом следует отметить, что ключевым системообразующим фактором, определяющим современную модель мироустройства, является экономика, в основе которой лежат воспроизводственные системы, выходящие за рамки национальных границ и формирующие гигантские мировые интернационализированные воспроизводственные циклы [3]. Выход экономического фактора за пределы государственных границ, формирование транснациональных воспроизводственных и финансовых систем обусловливают активизацию интеграционных процессов, в результате чего происходит трансформация традиционной центр-периферийной системы международных отношений с перераспределением ролей между ее участниками. В качестве новых субъектов начинают выступать интеграционные объединения и группировки, созданные в различных регионах мира: Европейский союз (ЕС), Южноамериканское сообщество наций (ЮАСН), Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) и др.

В рамках анализа влияния китайского фактора на развитие интеграционных процессов в ЕАЭС представляется необходимым анализ глобальной регионализации КНР, во многом обусловленной эффективностью её внешнеполитического экономического курса. Для реализации своих государственных интересов Китай, расширяет свое социокультурное пространство, идет «вовне», предлагая миру свои инвестиции и модернизированную транспортно-логистическую инфраструктуру, а взамен получает доступ к ресурсам и рынкам сбыта. При этом Китай, декларируя принципы политического невмешательства и взаимовыгодного сотрудничества, вовлекает все большее число участников в некую инновационную пространственную структуру национальной экономики, где регион в составе группы государств, с Китаем в качестве регионообразующего элемента, выступает в качестве самостоятельного субъекта системы международных отношений, обладающего конкурентными ресурсами, а также социально-экономическими и культурно-цивилизационными преимуществами, необходимыми для обеспечения безопасного устойчивого развития. Таким образом, проблематика китайского фактора в мировой системе перерастает в проблему познания сущности, форм и практик китайского нового глобального регионализма.

Проблемам становления глобального регионализма также посвящены работы китайских авторов – Гэн Сефена [4], Ма Нюин [5], Чжао Сюйшена [6]. Значительный вклад в проблему теоретического осмысления китайского регионализма представляет собой работа Чжан Сяотуна и Ли Сяоюэ [7], сотрудников Исследовательского центра экономической дипломатии при Уханьском университете КНР, которые детализировали представление о китайском регионализме, выделив основные направления и этапы его эволюции, сдерживающие и стимулирующие факторы его развития, представив характеристики регионализма с китайской спецификой и обозначив будущие направления его развития.

Так, начальный этап развития китайского регионализма (1990-2012 гг.), по мнению авторов, связан с расширением участия Китая в торгово-экономической кооперации и создании зон свободной торговли в Азии. Данный этап характеризуется эволюцией китайского регионализма по трем направлениям: во-первых, переход от враждебного отношения к регионализму в Азии в целом к активному участию; во-вторых, значительное расширение географического ареала региональной кооперации (к настоящему времени выделяется два основных направления китайского регионализма: западное — евразийское пространство, южное — к индийскому океану); в-третьих, трансформация роли самого Китая в Азии — позиционирование роли великой глобальной державы — государства «даго».

На данном этапе китайский регионализм наполняется и определяется базовыми принципами, включающими необходимость развития кооперации на основе взаимного доверия и взаимной выгоды при соблюдении принципов гармоничного соразвития, взаимных консультаций, разнообразия форм, внедрения инноваций и открытости. Однако представленная идеализированная модель не лишена недостатков. К сдерживающим факторам развития китайского регионализма в Азии относят: распространение теорий «китайской угрозы», конкуренцию

за региональное лидерство с США и Японией, территориальные споры с соседними государствами.

В противовес данным факторам выделяют условия, способствующие развитию китайского регионализма в Азии, к которым относят: бурный экономический рост, успех реформ, благоприятствующих экономической интеграции; позитивный экономический имидж Китая; успех китайской дипломатии в рамках ШОС и развитие добрососедских отношений со многими странами Азии.

Второй этап развития китайского регионализма (2012 г. — н.в.) связан с экономической дипломатией Си Цзиньпиня. На данном этапе Китай находится в поиске концептуальных оснований экономической кооперации, в качестве которых предлагается углубление кооперации на основе строительства «сообщества общей судьбы» (community of common destiny) «сообщества общих интересов» (community of common interest); строительство региональной идентичности на основе общности истории и культуры государств Азии [7].

Ученые Чжан Сяотун и Ли Сяоюэ также выделяют восемь основных характеристик «регионализма с китайской спецификой», к которым относят:

- строительство регионализма, нацеленного на экономический подъем Китая, следуя принципам взаимного доверия и взаимной выгоды в рамках концепции «мирного развития»;
- приоритет суверенитета в процессе региональной интеграции;
- рациональный подход к реализации регионализма в рамках концепции «научного развития», предполагающий принятие своевременных и обдуманных решений;
- градуализм, проявляющийся в реализации направлений экономической интеграции и географического ареала распространения китайского регионализма;
- построение региональной идентичности с универсальными региональными ценностями в качестве основания для реализации китайского регионализма и позиционирования имиджа Китая в регионе;
- открытый характер регионализма для стран регионального сообщества, в отличие от американской и европейской модели региональной интеграции;
- политика китайского регионализма выступает одним из важнейших механизмов проведения внутренних реформ и открытости;

— концептуально обоснованный регионализм, реализующий идеи построения сообщества общей судьбы и общих интересов при соблюдении баланса «моральность — интерес». В основе такого регионализма — общность истории и культуры стран региона, а важнейший инструмент — «мягкая сила».

Познание специфики китайского регионализма в отечественной науке связано с концептуальными идеями Д. А. Воскресенского (Большая Восточная Азия), С. В. Севастьянова (Восточноазиатский (китайский) регионализм) [8], С. Г. Лузянина (региональное измерение российско-китайского взаимодействия в Евразии) [9, 10], В. А. Дергачева (теория Больших Многомерных Пространств) [1, 2], В. А. Абрамова, Н. А. Абрамовой [11] (китайский «новый» регионализм) и др.

Стратегия «нового регионализма» незримо расширяет социокультурное пространство глобально регионализирующегося Китая. Под влиянием китайского нового регионализма значительно возрастает уровень интеграционного взаимодействия в регионе. Такой тип интеграции называют неофициальной интеграцией или мягким регионализмом. Реализация «нового» регионализма выступает как фактор формирования и становления особого самосознания принадлежности к конкретному региону, прежде всего это характерно для Восточной Азии, где формируется особая идентичность принадлежности к расширяющемуся китайскому пространству. Сотрудничество в рамках региона получает институциональное оформление, расширяя суть «нового» регионализма, определяя его особенности. Новый регионализм является движущей силой интеграции стран в пространстве АТР [3].

Открытый характер китайского регионализма проявляется в формировании такой международной обстановки по периметру границ государства, которая была бы благоприятна для стабильного развития КНР в будущем. Согласно парадигме китайского нового регионализма предполагается выстраивание «китайского регионального порядка», так называемого Pan-Sinica, при помощи «мягких» механизмов экономических, политических, идеологических и культурных стратегий развития [12]. В результате происходит расширение представительства Китая в международных и региональных интеграционных объединениях, растет число «государств-сателлитов», поддерживающих «Пекинский консенсус» в различных регионах мира.

Основной инструмент глобальной регионализации КНР — «мягкая сила». Наибольшего успеха в реализации «мягкого» (кит. «гармоничного») регионализма Китай добился в ряде геополитических регионов (африканском, латиноамериканском, азиатском), а также в сформированных в них институционально оформленных интеграционных объединениях и группировках (АСЕАН, ШОС, БРИКС и т.д.), определяя контуры расширения своего социокультурного пространства.

Джошуа Курланцик, анализируя распространение влияния Китая в африканском регионе, приходит к выводу, что «имидж Китая» в Африке более позитивный, чем в других странах». Такое «обаятельное наступление» (charm offensive) Китая обусловлено возрастающими экономическими (рынок сбыта, энергоресурсы) и политическими интересами КНР в Африке. Успех «мягкой силы» Китая в Африке объясняется слабым потенциалом «жесткой силы» в регионе [13].

В Латинской Америке Китаем применяется аналогичная схема, особенно в отношении политических, экономических и энергетических региональных лидеров — Венесуэлы и Бразилии. Так, Венесуэле Пекин предложил инвестиционную поддержку социальной сферы в сумме 8 млрд долл. в обмен на соглашение на добычу нефти, создание компании по строительству танкеров и НПЗ в КНР по переработке венесуэльской нефти. Всего между двумя странами заключено уже более 300 подобных соглашений. С Бразилией Китай заключил соглашение, согласно которому бразильские поставщики будут экспортировать в КНР 60-100 тыс. баррелей нефти в день [14]. В ходе визита в Латинскую Америку в 2009 г. Си Цзиньпина и Ху Лянъю не раз заявлялось, что в условиях нового времени необходимо предпринять усилия по активизации гуманитарных и культурных обменов между Китаем и Латинской Америкой [15].

Игнатиус Вибобо, анализируя усиление Китая в ЮВА, отмечает, что китайское влияние в регионе существовало еще в период «холодной войны», когда КНР поддерживала революционные движения в регионе. В 1997 г. в связи с Азиатским финансовым кризисом Китай оказал финансово-экономическую помощь многим странам региона и сам продемонстрировал успешный выход из кризиса [16]. После этого восточноазиатское сообщество стало смотреть на Китай с восхищением и уважением, что подготовило почву для одобрения «Пекинского консенсуса», за исключением таких стран, как Филиппины и Индонезия [17].

С. И. Мишина выделяет три компонента мягкого регионализма Китая в ЮВА — политический: АСЕАН служит платформой для воздействия Китая на международные процессы, происходящие в ЮВА, второй — экономический: экономическая дипломатия, развитие приграничных проектов и т. д. и культурный компонент — это распространение китайской культуры и языка в странах региона [18, 19].

Культурные практики «мягкой силы» в Центральной Азии (ЦА) призваны стать вспомогательным инструментом экономической стратегии КНР, направленной на расширение своего «присутствия» в регионе. Имиджевая составляющая центральноазиатской политики КНР находится в тесной связи с экономическими и политическими факторами. Казахский ученый А. С. Каукенов отмечает, что ЦА сегодня стала полигоном для многих «мягких» дипломатических инициатив Китая, для претворения в жизнь ряда новых дипломатических методов и механизмов, нигде ранее Китаем не применявшихся. Прежде всего речь идет о создании и последующем развитии ШОС, которая стала одним из основных проводников китайской «мягкой» дипломатии в регионе.

Региональное пространство ЦА становится ареной борьбы за влияние все большего числа игроков, включая не только государства, но и различные фонды, светские и религиозные организации. В настоящее время в ЦА происходит формирование двух новых интеграционных объединений – Евразийского экономического союза и «Экономического пояса Шелкового пути», способных оказать серьезное влияние на расстановку геополитических и геоэкономических сил в регионе. Ключевыми игроками в этом процессе выступают РФ и КНР, одинаково стремящиеся укрепить позиции и усилить влияние в регионе с целью реализации своих национальных интересов. Данный факт определяет необходимость осуществления научного анализа специфики российской и китайской интеграционных инициатив, определения их конкурентного потенциала, а также выявления основных характеристик китайского нового регионализма в контексте его возможного влияния на деятельность ЕАЭС.

Россия и Китай в евразийском интеграционном пространстве: региональное измерение экономических стратегий. Евразийский экономический союз является новым интеграционным экономическим объединением, созданным на базе Таможенного союза Евра-

зийского экономического сообщества для содействия экономическому развитию и внешнеторговому взаимодействию стран-участниц, а также повышению их конкурентоспособности на глобальном рынке. На сегодняшний день в состав ЕАЭС входят Россия, Казахстан, Белоруссия, Армения и Киргизия.

ЕАЭС — молодая международная организация, однако, учитывая предшествующий ее созданию опыт функционирования ЕврАзЭС, уже сейчас можно говорить о роли данного интеграционного объединения не только для стран участниц, но и для всего Евразийского региона. Значимость создания и эффективной работы ЕАЭС неоднократно подчеркивалась руководством России как одна из приоритетных задач внешнеполитического курса РФ. По словам В. В. Путина, ЕАЭС призван не только наладить максимально взаимовыгодное сотрудничество в сфере хозяйственных связей в рамках СНГ, но и стать интеграционной моделью нового типа, определяющей будущее развитие стран постсоветского пространства. Кроме того, ЕАЭС имеет все предпосылки для того, чтобы стать движущей силой интеграции стран-участниц в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Сегодня участие в ЕАЭС имеет большое значение для всех входящих в союз государств. Процессу интеграции в ЕАЭС способствует целый ряд факторов: географическая и историкоцивилизационная близость стран-участниц, их хозяйственные связи и взаимодополняемость экономик, схожие проблемы, связанные с необходимостью осуществления диверсификации и модернизации экономик. В результате в настоящее время в рамках ЕАЭС поэтапно формируется зона свободного движения капитала, товаров, трудовых ресурсов и услуг, кроме того, создаются условия для равного доступа к инфраструктуре транспорта и энергетики, действуют единые правила таможенного регулирования [20].

Важной спецификой ЕАЭС является дифференцированный подход к требованиям, предъявляемым участникам союза, — «от каждого по способностям», то есть каждая страна вносит посильный вклад, соответствующий уровню и состоянию ее экономического развития. Очевидно, что основное бремя ложится на экономически более устойчивые Россию, Казахстан и Белоруссию, однако, исходя из геополитических интересов всех участников, а прежде всего России, невключение Киргизии, Армении и других стран ЦА в процесс интеграции приведет к тому, что они попадут под влияние других

влиятельных акторов, не заинтересованных в сохранении стабильности в регионе, что в свою очередь может оказать негативное влияние на стабильность и безопасность России, Казахстана и даже Белоруссии¹. Другими словами, интеграция в ЕАЭС призвана подтягивать экономики более слабых участников, сохранять их внутреннюю стабильность, чтобы каждая страна была надежным элементом системы безопасности всего интеграционного объединения.

Безусловно, выстраивая целую сеть интеграционных связей по всему миру на основе использования механизмов китайского нового регионализма, КНР ведет свою игру и в ЦАР. Параллельно с инициированным Россией ЕАЭС китайская сторона предлагает всем странам ЦА объединить усилия для создания проекта «Экономический пояс Шелкового пути», о котором впервые официально было заявлено председателем КНР Си Цзиньпинем в сентябре 2013 г. Согласно данным Китайского банка развития в рамках нового Шелкового пути будет реализовано 900 проектов в 60 странах, а общая сумма инвестиций составит порядка 890 млрд долл. По мнению Пекина, новый Шелковый путь станет инновационной моделью интеграционного взаимодействия, которая будет способствовать углублению взаимного сотрудничества, расширению перспектив развития стран региона и, как следствие, обеспечению безопасности и стабильности всей Евразии.

Стремление Китая упрочить свои позиции в регионе ЦА в полной мере соответствует общей стратегии государства, трактуемой нами как китайский новый регионализм, реализуемой Пекином в отношении всех геополитических регионов мира, однако в первую очередь направленной именно на соседние страны. Ключевые интересы КНР в ЦАР можно условно классифицировать на три группы: экономические, политические и в сфере обеспечения безопасности.

Что касается экономических интересов, то они обусловлены тем, что в регионе сосредоточены существенные запасы стратегических ресурсов, в том числе энергетических (около 2 % общемировых запасов нефти и порядка 4 % природного газа), кроме того, регион обладает огромным потенциалом для расширения рынка Китая.

С точки зрения обеспечения безопасности, присутствие Китая в ЦА обусловлено следующими факторами:

 $^{^{1}}$ Киргизия в составе EA9C : блиц-опрос. – URL: http://www.regnum.ru/news/1945520.html.

- прохождение линии государственной границы вдоль неспокойных в плане сепаратизма и религиозного экстремизма западных регионов КНР, в первую очередь СУАР, их близость к Афганистану и Пакистану;
- особый акцент на поддержание стабильной ситуации в ЦА ввиду нестабильности отношений в Юго-Восточной Азии, обусловленной неразрешенными территориальными спорами;
- интерес, проявляемый к региону со стороны США, стремящихся сохранить статус глобального лидера и использующих все доступные средства для сдерживания Китая. Так, например, для снижения зависимости Туркменистана от поставок природного газа в КНР и переориентации его на Индию Вашингтон сегодня активно помогает Ашхабаду в строительстве газопровода ТАРІ (Туркменистан, Афганистан, Пакистан, Индия).

Политическая составляющая национальных интересов Китая в Центральной Азии определяется, во-первых, стремлением Пекина активизировать политические контакты с Западом, чему в значительной степени будут способствовать транспортные коридоры Шелкового пути. Во-вторых, немаловажная роль во внешней политике Китая сегодня отводится дальнейшему углублению сотрудничества с Россией и другими странами ЦАР, в том числе и в рамках ШОС.

Ситуация, когда в одном регионе предлагаются два столь масштабных проекта, характеризующиеся схожими целями, вызвала активную дискуссию в политическом и экспертном сообществе многих стран, в первую очередь Китая и России. При этом наибольшее распространение получили две диаметрально противоположные позиции.

Согласно одной из них, несмотря на то, что Россия и Китай развивают отношения стратегического партнерства, их отношения в Евразии являются конкурентными. Создание ЕАЭС оценивается Пекином как угроза его экономическим и геополитическим интересам, реализация же проекта Шелкового пути будет противостоять ЕАЭС и позволит закрепить позиции Китая в ЦАР и взять под контроль транспортные коридоры из Юго-Восточной Азии в Европу.

Сторонники второй позиции положительно оценивают инициативу Китая, полагая, что проекты являются не конкурирующими, а взаимодополняющими. При обоюдном стремлении РФ и КНР к взаимовыгодному сотрудничеству реализация проекта «Экономический пояс Шелкового пути» позволит обеим странам еще

больше активизировать экономическое взаимодействие, включив в его пространство не только Дальневосточный и Сибирский регионы, но и европейскую часть России.

Попытаемся дать собственную оценку данной ситуации.

Посредством «мягких» механизмов китайского нового регионализма Китай становится незаменимым, очень часто безальтернативным партнером для все большего числа стран во всем мире. Безусловно, Пекин имеет объективные причины для усиления своего влияния в ЦАР, однако следует признать и тот факт, что ЦА — это лишь одно из многих направлений его международной региональной политики. Этот факт в полной мере подтверждается широкой географией выстраивания «Экономического пояса Шелкового пути», охватывающего помимо центральноазиатских стран (Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Узбекистан и Туркменистан) ряд стратегически важных макрорегионов: Южную Азию (Афганистан, Пакистан, Индия), Западную Азию (Иран, Ирак, Иордания, Сирия, Саудовская Аравия, Турция), постсоветское пространство (Азербайджан, Грузия, Армения, Украина, Белоруссия, Молдавия) и Россию.

Таким образом, для формирования структуры регионального сотрудничества в рамках нового Шелкового пути Китаю необходимо сохранять, поддерживать и укреплять дружественные партнерские отношения со всеми странами прохождения «Экономического пояса Шелкового пути», лишь тогда станет возможной реализация главной цели этого проекта, заключающейся в укреплении сотрудничества, углублении интеграции и расширении пространства экономического взаимодействия.

Россия, продвигая ЕАЭС, также стремится к углублению интеграционного взаимодействия с максимально возможным числом стран СНГ, отмечая при этом открытость и для других потенциальных участников. С точки зрения содействия евразийской интеграции, ЕАЭС представляет уникальные возможности всем странам-участницам в плане обеспечения поступательного экономического развития, гарантий безопасности и стабильности, формирования единого экономического и гуманитарного регионального пространства.

В подобных условиях возникновение конкуренции между Россией и Китаем за право лидерства в регионе представляется возможным лишь на первый взгляд. Несмотря на то, что экономическое влияние Китая в регионе сегод-

ня сильнее, нежели России, Пекин не заинтересован в реализации проектов, способных причинить ущерб интересам России и тем самым поставить под угрозу высоко ценимые отношения добрососедства, дружбы и стратегического партнерства. Более того, партнерство России и Китая, основанное на принципах соразвития, является важным фактором усиления региональной интеграции и расширения формата взаимодействия в АТР.

Что же касается России, для повышения эффективности ее внешнеполитического курса в ЦА особую значимость сегодня имеет необходимость учета специфики китайского нового регионализма, механизмы которого обеспечивают «мягкую» экономическую экспансию китайского государства. Реализуя столь масштабный проект как «Экономический пояс Шелкового пути» с беспрецедентным объемом финансирования, Китай не оставляет другим странам возможности отказаться от участия в данной интеграционной инициативе. Например, Россия очень заинтересована в строительстве магистрали Москва — Казань, которая, согласно проекту, станет частью новой магистрали Москва — Пекин, проходящей через Казахстан, но реализация этой части плана нанесет серьезный удар по Транссибу, связывающему сегодня страны АТР и российский Дальний Восток с Европой и играющим очень важную роль в хозяйственно-экономической структуре дальневосточной части РФ. С другой стороны, Москва не может отказаться от транспортного коридора через Казахстан, поскольку иначе китайцы выберут альтернативный маршрут через ЦА и Ближний Восток, оставив Россию в стороне. Таким образом, Россия вынуждена стать участником интеграционного проекта «Нового Шелкового пути», однако при этом необходимо максимально использовать связанные с этим шансы и минимизировать возможные негативные последствия.

Выводы. Китайский регионализм является открытой «мягкой» формой «нового» регионализма, что подтверждается постоянным увеличением числа стран, вовлекаемых в сферу влияния экспансивно развивающейся китайской экономики и применением инструментов «мягкого» воздействия для достижения целей. В основе китайской «мягкой силы» как инструмента международной региональной политики лежат принципы мирного сосуществования, привлекательный имидж успешно развивающейся

экономики КНР, стремление к развитию международного гуманитарного сотрудничества, идеологический курс на построение гармоничного международного порядка. Избранные механизмы и формы регионализации в полной мере соответствуют стремлению Китая к получению максимальной экономической выгоды от интеграции, предоставляющей доступ к природным ресурсам, рынкам сбыта, транспортной инфраструктуре и инвестициям.

Посредством политики «нового» регионализма КНР усиливает свое влияние в интеграционных группировках и региональных образованиях по всему миру, для чего использует адресные механизмы, учитывающие региональную социокультурную специфику каждого из них. Так, в африканском регионе Китай делает акцент на так называемом «обаятельном наступлении», предлагая экономически слабым странам инвестиционную и гуманитарную поддержку. В регионе Юго-Восточной Азии наиболее эффективными являются практики политической дипломатии, экономической помощи и «мягкой силы» культуры Китая.

Основным фактором, определяющим специфику китайского регионализма в регионе ЦА, является пересечение в данном пространстве интересов целого ряда акторов, в т.ч. и России. Продвижение РФ и КНР двух схожих по целям и задачам интеграционных инициатив — ЕАЭС и «Экономический пояс Шелкового пути», тем не менее, не дает основания опасаться острой конкуренции. Напротив, совмещение российской и китайской инициатив имеет значительный потенциал для дальнейшего углубления интеграции, укрепления экономического сотрудничества, расширения пространства взаимодействия. Однако недостаточный учет китайского фактора и непринятие во внимание «мягких» механизмов навязывания китайской стороной своей воли способны привести к снижению конкурентного потенциала России в регионе. В данной связи для РФ особенно важно диверсифицировать внешнеэкономические связи, расширять их географию; смещать акцент с ресурсной составляющей внешнеторгового оборота; соблюдать приоритет национальных интересов в интеграционном взаимодействии; разрабатывать эффективные механизмы поддержания экономической и политической стабильности внутри и по периметру государственных границ.

Список использованной литературы

- 1. Дергачев В. А. Регионалистика [Электронный ресурс] : сб. науч. тр. в 7 кн. / В. А. Дергачев. М. : Издательский проект профессора Дергачева, 2008. Кн. 2. Режим доступа: http://www.dergachev.ru/book-7/.
- 2. Дергачев В. А. Регионоведение / В. А. Дергачев, Л. Б. Вардомский. М. : ЮНИТИ-ДАНА, $2004.-463~\rm c.$
- 3. Абрамов В. А. Глобализирующийся Китай: грани социокультурного измерения : моногр. / В. А. Абрамов. М.: Восточная книга, 2010. 239 с.
- 4. Xiefeng G. New regionalism and the change of Asia-Pacific regional structures. Beijing, China: Beijing University Press / G. Xiefeng. 2003. 208 pp.
- 5. Nuying M. Regionalism and developing countries. Beijing, China: China Social Sciences Press / M. Nuying. -2002.
- 6. Suisheng Zh. Soft Versus Structured regionalism: Organizational Forms of Cooperation in Asia Pacific / Zh. Suisheng // Journal of East Asian Affairs. 1998. Vol. 12. No. 12. Pp. 96—134.
- 7. Xiaotong Zh. China's Regionalism in Asia. The Asian Forum [Electronic resource] / Zh. Xiaotong, L. Xiaoyue // An Online Journal. 2014. Vol. 3, No. 3. Access mode: http://www.theasanforum.org/chinas-regionalism-in-asia.
- 8. Севастьянов С. В. «Новый регионализм» Восточной Азии: теоретические и практические аспекты / С. В. Севастьянов // Полис. Политические исследования. 2009. № 4. С. 111–122.
- 9. Лузянин С. Г. Россия и Китай в Евразии: международно-региональные измерения российско-китайского партнерства / С. Г. Лузянин. М.: Форум, 2009. 288 с.
- 10. Лузянин С. Г. Россия и Китай создают «общее евразийское экономическое пространство» [Электронный ресурс] / С. Г. Лузянин. 2015. Режим доступа: http://old.mgimo.ru/news/experts/document274269.phtml.
- 11. Абрамов В. А. Теория «нового регионализма» в исследованиях китайских ученых / В. А. Абрамов, Н. А. Абрамова // Трансграничье в изменяющемся мире. 2006. № 1. С. 76.
- 12. Кучинская Т. Н. Открытый приграничный регионализм в глобальной стратегии Китая: уроки для России / Т. Н. Кучинская // Вестник ЗабГУ. 2011. № 1. С. 28.
- 13. Kurlantzick J. China's Soft Power in Africa. Soft power: China's emerging strategy in international politics / J. Kurlantzick; Ed. Li. Mingjiang. N.Y.: Lexington Books, 2009. Pp. 165–184.
- 14. Каримова Г. Возможности применения стратегии «мягкой силы» в рамках азиатских цивилизационных пространств / Г. Каримова // Свободная мысль. 2011. № 3. Режим доступа: http://www.cps.uz/rus/analitics.
- 15. Paladini S. A. View from the Isthmus: China's Strategic Interests in Latin America between Taiwan and the USA / S. A. Paladini // The Journal of Comparative Asian Development. -2011.- Vol. 10, Is.1. Pp. 62-89.
- 16. Jed A. ASEAN-led regionalism / A. Jed // Asia Online. Flinders Asia Centre Occasional. -2011.- Paper 4. Pp. 1–42.
- 17. Wibowo I. China's Soft Power and NeoLiberal Agenda in Southeast Asia. Soft power: China's emerging strategy in international politics / I. Wibowo ; Ed. Li. Mingjiang. N.Y.: Lexington Books, 2009. Pp. 207–225.
- 18. Мишина С. И. Пекинский вариант «мягкой силы»: говори мягко... / С. И. Мишина // Азия и Африка сегодня. 2011. № 3. С. 19–24.
- 19. Rithmire M. E. China's «New Regionalism» Subnational Analysis in Chinese Political Economy / M. E. Rithmire. World Politics. 2014. Vol. 66, No. 1. Pp. 165-194.
- 20. Шучунь В. Проекты «Экономический пояс Шелкового пути» и EAЭС: конкуренты или партнеры / В. Шучунь, В. Цинсун // Обозреватель. 2014. № 10. С. 56–68.

References

- 1. Dergachev V. A. *Regionalistika*. Sbornik nauchnykh trudov v 7 knigakh. [Regionalistics: a collection of scientific papers in 7 books]. Moscow, Publishing project of Prof. Dergachev, 2008, book 2. Available at: http://www.dergachev.ru/book-7/.
- 2. Dergachev V. A., Vardomskii L. B. *Regionovedenie* [Regional Studies]. Moscow, YUNITI-DANA Publ., 2004, 463 p.
- 3. Abramov V. A. Globaliziruyushchiisya Kitai: grani sociokul'turnogo izmereniya [Globalized China: the facets of the sociocultural dimension]. Moscow, Eastern book Publ., 2010, 239 p.

- 4. Xiefeng G. New regionalism and the change of Asia-Pacific regional structures. Beijing, China: Beijing University Press, 2003. 208 p.
- 5. Nuying M. Regionalism and developing countries. Beijing, China: China Social Sciences Press, 2002.
- 6. Suisheng Zh. Soft Versus Structured regionalism: Organizational Forms of Cooperation in Asia Pacific. Journal of East Asian Affairs, 1998, vol. 12. no. 12, pp. 96–134.
- 7. Xiaotong Zh. China's Regionalism in Asia. The Asian Forum. An Online Journal, 2014, vol. 3, no. 3. Available at: http://www.theasanforum.org/chinas-regionalism-in-asia.
- 8. Sevastyanov S. V. «New regionalism» of East Asia: theoretical and practical aspects. *Polis. Politicheskie issledovaniya = Policy. Political Studies*, 2009, no. 4, pp. 111–122. (In Russian).
- 9. Luzyanin S. G. Rossiya i Kitai v Evrazii: Mezhdunarodno-regional'nye izmereniya rossiisko-kitaiskogo partnerstva [Russia and China in Eurasia: International and Regional Dimensions of the Russian-Chinese Partnership]. Moscow, Forum Publ., 2009, 288 p.
- 10. Luzyanin S. G. Rossiya i Kitai sozdayut «obshchee evraziiskoe ehkonomicheskoe prostranstvo» [Russia and China create a «common Eurasian economic space»]. 2015. Available at: http://old.mgimo.ru/news/experts/document274269.phtml. (In Russian).
- 11. Abramov V. A. The theory of «new regionalism» in the studies of Chinese scientists. *Transgranich'e v izmenyayushchemsya mire = Transboundary in a changing world*, 2006, no 1., p. 76. (In Russian).
- 12. Kuczynski T. N. Open border regionalism in China's global strategy: lessons for Russia. *Vestnik ZabGU = Bulletin of Transbaikal State University*, 2011, no. 1, p. 28. (In Russian).
- 13. Kurlantzick J. China's Soft Power in Africa. Soft power: China's emerging strategy in international politics. New Ork, Lexington Books, 2009, pp.165–184.
- 14. Karimova G. Possibilities of applying the «soft power» strategy within the Asian civilizational spaces. Svobodnaya mysl' = Free thought, 2011, no 3. Available at: http://www.cps.uz/rus/analitics. (In Russian).
- 15. Paladini S. A. View from the Isthmus: China's Strategic Interests in Latin America between Taiwan and the USA. *The Journal of Comparative Asian Development*, 2011, vol. 10, ls.1, pp. 62–89.
- 16. Jed A. ASEAN-led regionalism. Asia Online. Flinders Asia Centre Occasional, 2011, paper 4, pp. 1–42.
- 17. Wibowo I. China's Soft Power and NeoLiberal Agenda in Southeast Asia. Soft power: China's emerging strategy in international politics / Ed. Li. Mingjiang. New Ork, Lexington Books, 2009, pp. 207–225.
- 18. Mishina S. I. The Beijing version of «soft power»: speak softly... *Aziya i Afrika segodnya = Asia and Africa today*, 2011. no 3, pp. 19–24. (In Russian).
- 19. Rithmire M. E. China's «New Regionalism» Subnational Analysis in Chinese Political Economy. World Politics, 2014, vol. 66, no. 1, pp. 165–194.
- 20. Shuchun V. Projects «The Silk Road Economic belt» and the EAEU. Competitors or partners. *Obozrevatel'* = *Observer*, 2014, no. 10, pp. 56–68. (In Russian).

Информация об авторах

Кучинская Татьяна Николаевна — доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой востоковедения и регионоведения Северной Америки, Забайкальский государственный университет, 672039, Российская Федерация, Чита, ул. Александро-Заводская, 30, e-mail: kuchinskaya_t@mail.ru.

Колпакова Татьяна Владимировна— кандидат философских наук, доцент, кафедра востоковедения и регионоведения Северной Америки, Забайкальский государственный университет, 672039, Российская Федерация, Чита, ул. Александро-Заводская, 30, e-mail: tataktv@mail.ru.

有关作者的信息

Kuchinskaya T. N. — 哲学博士,教授,东方研究部主任;后贝加尔国立大学。Aleksandro-Zavodskay 大街30号,672039,赤塔市,电子信箱: kuchinskaya_t@mail.ru.

Kolpakova T. V. — 哲学副博士,副教授,东方研究部;后贝加尔国立大学。Aleksandro-Zavodskay 大街 30 号,672039,赤塔市,电子信箱:tataktv@mail.ru.

Authors

Tatyana N. Kuchinskaya — Doctor of Philosophy, Professor; Head of the Department of Oriental and Regional Studies of North America; Transbaikal State University; 30 Aleksandro-Zavodskay St., 672039, Chita, the Russian Federation; e-mail: kuchinskaya_t@mail.ru

Tatyana V. Kolpakova — PhD of Philosophy, Associate Professor; Department of Oriental and Regional Studies of North America; Transbaikal State University; 30 Aleksandro-Zavodskay St., 672039, Chita, the Russian Federation; e-mail: tataktv@mail.ru

Для цитирования

Кучинская Т. Н. Китайский новый регионализм в мировых интеграционных процессах: вопросы теории и практики (на примере EAЭC) / Т. Н. Кучинская, Т. В. Колпакова // Российско-китайские исследования. — 2017. — Т. 1, № 1. — С. 50-62.

For citacion

Kuchinskaya T. N., Kolpakova T. V. Chinese New Regionalism in the Global Integration Processes: Issues of Theory and Practice (Based on the Example of the EEU) *Rossiisko-Kitaiskie Issledovaniya = Russian and Chinese Studies*, 2017, vol. 1, no. 1, pp. 50–62. (In Russian).